П. Вазпенов.
Прекрасный молодой человѣкъ.
Повѣсть.

Bazhenov Nikolai Kirillovich

ПРЕКРАСНЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ПОВѢСТЬ

(Взятая изъ расказа шт. лек. Чацкаго).

СОЧИНЕНІЕ

Николая Баженова.



КАЗАНЬ,

ЕЧАТАНО ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ 30 Октября 1847 г.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

ПРЕКРАСНЫЙ

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Явленіе Первое.

Итакъ я начну Вамъ обѣщанный мною разказъ, взявши его съ тѣхъ поръ, когда одинъ изъ моихъ временныхъ сослуживцевъ, Михаилъ Алексѣевичь, ввелъ ко мнѣ рѣдкаго изъ прекрасныхъ молодыхъ человѣковъ—прекраснаго молодаго человѣка, несравненнаго даже съ тѣмъ, котораго начертало перо Поль-де-Кока. Конечно разказъ собственно объ немъ былъ бы повѣстью безъ завязки и развязки, но очерки объ этомъ рѣдкомъ и уди-

вительномъ прекрасномъ молодомъ человѣкѣ, сопряжены съ печальнымъ воспоминаніемъ объ одномъ моемъ хорошемъ пріятелѣ, молодомъ медикѣ, цвѣтущимъ юношею и съ благороднымъ нравомъ. Да, воспоминаніе объ немъ сопряжено съ романомъ его жизни, имѣвшимъ свою печальную развязку, и между тѣмъ вы увидите въ моемъ разказѣ силу предубѣжденія и предчувствія, о которыхъ такъ много мы говорили.

Таковъ былъ приступъ Чацкаго, подъ часъ порядочнаго краснобая, и пріятели повторили свою прозьбу—расказать имъ о прекрасномъ молодомъ человѣкѣ. Перелетный говоръ стихнулъ, среди густаго табачнаго дыму, воцарилось безмолвіе и Чацкій началъ.

Непобѣдимое предубѣжденіе къ прекрасному молодому человѣку возродилось отъ рѣзкаго сходства съ такимъ »хорошимъ бариномъ Николаемъ »Васильевичемъ, который ученъ на разные діалекты »и произошелъ всѣ грамматики и ариѳметики«, какъ аттстовала его наемная наша служанка Прасковья. Замѣчанія объ этомъ баринѣ имѣютъ большую связь съ моимъ прекраснымъ молодомъ человѣкомъ, потому что когда одинъ изчезнулъ, то на мѣсто его возникъ другой, столько имѣющій съ нимъ сходства, что при соображеніи другихъ обстоятельствъ, многіе не хотѣли даже вѣрить, что это не одинъ и тотъ же; но щадя моего прекрас-

наго молодаго человѣка, о баринѣ этомъ я выдаю какъ вовсе о другомъ лицѣ и, если угодно, я раскажу объ немъ,—объ этомъ предтечѣ прекраснаго молодаго человѣка.

Пожалуйста! пожалуйста! послышалось отъ собесѣдниковъ и Чацкій началъ такъ:

Признаюсь вамъ, я случайно подслушалъ и разказъ нашей Прасковьи съ моимъ деньщикомъ Иваномъ, по прозванію ширшаномъ и вотъ онъ подлинникомъ.

— А что Парашка! знаешъ ли что приключилось съ твоимъ взбалмошнымъ бариномъ, *али* какимъ инымъ прочимъ чтоли, кто его знаетъ?

— Какъ не взбалмошный! Да; вѣдь вы всѣхъ называете взбалмошными, кто разумнѣе васъ да вѣжливѣе.

— Хе, хе, хе! вѣжливѣе!... что пьяненькой твои ручки расцѣловывалъ, то и вѣжливѣе.

— Ну чтожъ такое? это значится по господскому! онъ любитъ господство наблюдать, а не такъ какъ другіе-прочіе.

— Да баринъ ли онъ полно, али барской баринъ *ту ись* (т. е. то есть) какъ и ты барышня.

— Ужъ вѣстимое дѣло баринъ!

— На врядъ баринъ станетъ по ночамъ одѣваться по мужицкому, трынькать въ хороводахъ на балалайкѣ да плясать въ присядку. Видали мы такіе виды.

— А что тутъ *непристойностнаго?* онъ, *вишь*, не хочетъ, чтобы его знали и сохраняетъ какую-

то *ункогниту. Вишь* это вѣдь по модѣ—такъ, дискать по *тальянски* Онъ *вишь* любитъ задавать какія то: сурс сире.... охъ ужъ непомню мудрено, не понашему.

— Ну ужъ задали ему ункогниту, да непотальянски, а по нашему! Такихъ горячихъ сурс-сире закатили, что небу было жарко, которое съ овчинку показалось.

— А что такое?

— А вотъ что! *Вчерась* ты не была въ хороводѣ, а у него другая есть зазнобушка; знаешь—солдатка Катюшка.

— Какъ не знать, она ужъ, пусто ея будь, у меня на шеѣ сидитъ.

— Ну, онъ съ нею очешно-больно расплясался, а здѣшній котъ васька, то бурмасекъ ее вѣдь закадышной и за ними давно подсматриваютъ.

— Чудо право этотъ *поличместиръ.* Вѣдь сѣдой какъ лунь, а все свое совершаетъ.

— Итакъ, сударыня ты моя, послѣ хоровода-то они и отправься прогуляться въ рощицу, а тамъ ихъ и цапъ-царапъ!

— Кто же?

— Ну да самъ *поличместиръ* дозоромъ обходилъ.

— И взяли?

— Вѣстимое дѣло, да и шастъ въ *полицу*, а я за ними туда же.

— Ну?

— Ну тамъ и спросили: ты что за человѣкъ? я де такого-то господина. А зачѣмъ не въ указные часы по ночамъ шатаешся? *таво-сево*, сказать-то и нѣчего. Взять, дискать, съ него допросъ, посадить въ тутрюмку, а завтра на работу!

— Ахъ ты батюшки! и засадили?

— Засадить-то не засадили, а онъ объявился уже инымъ. Тутъ ему стали говорить: врешъ! то се и другое прочее; и тѣмъ, дискать, хуже что пошлютъ туда сюда собирать справки, а онъ себѣ де ходи *публишно* на работу съ мѣлкомъ на спинѣ.—Я де такой-то, у васъ билетъ мой!—Врешь любезной! у насъ де билета нѣтъ, а если бы и былъ, то ты укралъ чужой, потому что не тѣмъ обозвался, да и взятъ-то въ такомъ видѣ. Знаешь! тамъ вѣдь люди *натурарьныя*—умѣютъ что сказать. Ну да что де съ нимъ долго толковать, сказалъ письмоводитель, взятъ де какъ лакей, назвался лакеемъ, а по виду мужикъ, то и отпустить его какъ лакея. Никто де и знать этого не будетъ, а то что человѣка навѣкъ несчастнымъ дѣлать. Нашъ баринъ туда-сюда, а дѣлать нѣчего, когда уже попался птенчикъ въ клѣтку, вмѣстѣ съ своей пташечкой. Вотъ ихъ голубчиковъ обоихъ рядкомъ да и ну! Ужъ дали зорю—будутъ помнить

Сначала этотъ расказъ я услышалъ случайно; но

потомъ, признаюсь, любя юморъ, прислушался и съ послѣднимъ словомъ: будетъ помнить—я спросилъ: что это за баринъ? Мнѣ ничего не могли сообщить объ немъ удовлетворительно; по примѣтамъ онъ: высокій, темнорусый, полукурчавый, съ продолговатымъ лицемъ и красноватодлиннымъ носомъ. Это тотъ часъ напомнило мнѣ объ одномъ молодцѣ, прогуливавшемся вечеркомъ мимо оконъ одного изъ моихъ знакомыхъ. Тогда павшей изъ окна свѣтъ обличилъ лице этого, немѣдленно отскочившаго отъ окна человѣка, о которомъ заключили мы, и едва ли несправедливо, что пользуясь оплошностью разговаривающихъ, онъ приближался къ стоявшимъ на окнѣ стаканамъ, съ серебреными ложечками; мы пили тогда чай.

II.

Явленіе второе, или проявленіе на свѣтъ прекраснаго молодаго человѣка.

Уже было забыто объ этомъ баринѣ, не являвшемся болѣе въ хороводахъ, но проявленіе новаго лица тотъ часъ напомнило о предшественникѣ его. Одинъ изъ добрыхъ моихъ знакомыхъ и сослуживцевъ ввелъ ко мнѣ студента, рекомендуя его прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, котораго батюшка и матушка нѣкогда стояли у него на квартирѣ. Вы неповѣрите какъ поразило меня рѣзкое сходство этого студента съ тѣмъ ба-

риномъ, котораго не было уже нигдѣ замѣтно съ роковой для него ночи и, какъ бы, свѣяннаго вѣтромъ. Конечно мнѣ могло казаться такъ безъ сравненія одного съ другимъ, а при томъ барина я видѣлъ мгновенно; но мнѣ показались одинъ съ другимъ столько схожими, что ихъ различить невозможно. Признаюсь, что рѣзкое сходство было причиною непобѣдимаго предубѣжденія къ моему гостю, который на первый случай и показалъ себя не совсѣмъ добропорядочнымъ человѣкомъ. Разсудите сами кто изъ порядочныхъ людей сядетъ безъ денегъ играть въ карты, въ обществѣ и съ людьми вовсѣ ему незнакомыми? Конечно прекрасный молодой человѣкъ надѣялся въ случаѣ выигрыша имѣть деньги, а въ проигрышѣ, полагаясь на деликатность общества, отозваться тѣмъ, что онъ забылъ дома кошелекъ, что послѣднее и случилось. Очень было непріятно для моего сослуживца, что прекрасный молодой человѣкъ неподдержалъ репутаціи объ немъ, а потому, съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ покраснѣвшимъ отъ досады лицемъ, надѣливъ прекраснаго молодаго человѣка не миловидными взглядами, онъ заплатилъ за него деньги.

Костюмъ прекраснаго молодаго человѣка тоже отвѣчалъ моему предубѣжденію объ немъ. Вмѣсто темнозеленаго сюртука, на немъ былъ уже какой-то бурозеленоватый съ сальными яблоками, и онъ явился въ какихъ-то фланелевыхъ шараварахъ и стоптаныхъ худыхъ сапогахъ, которыя, съ отрѣ-

ченіемъ отъ ваксы, казались сѣромохнатыми. Прекрасный молодой человѣкъ разказывалъ нѣкоторымъ, что лучшаго своего платья онъ не взялъ съ собою изъ опасенія воровъ, которыхъ, по увѣреніямъ разныхъ лицъ, тамъ очень много и что никто не беретъ съ собою лучшихъ вещей и платья, а нѣкоторымъ—что уже его обокрали дорогою; но мнѣ говорилъ совсѣмъ другое, не смотря на то, что сослуживецъ мой представилъ его ко мнѣ, какъ безпріютнаго бѣдняка, худо расчитавшагося въ средствахъ. Въ такомъ его настоящемъ положеніи, и когда онъ не только не имѣетъ средствъ къ леченію себя, но даже и куска хлѣба—просили дать ему способы для леченія на водахъ; прекрасный же молодой человѣкъ выдавалъ себя племянникомъ богатаго московскаго барона. Онъ разказывалъ что у нихъ есть какая-то деревня,—что матушка его, Екатерина Ивановна или Карловна, не упомню право, великая хозяйка, заготовляющая въ прокъ много варенья; но что онъ, какъ великій *сластникъ*, похищалъ запасъ банокъ и кушалъ варенье на плетнѣ. Между прочимъ, расказывая о своемъ хорошемъ состояніи, прекрасный молодой человѣкъ сѣтовалъ на свою сестрицу, которую величалъ толстою сашкою, что онъ, по милости ея убѣжденій, отправленъ былъ безъ прислуги, а черезъ это его здѣсь обокрали!

Зная хорошо положеніе дѣлъ прекраснаго молодаго человѣка, я, вмѣстѣ съ предложеніемъ ему

средствъ для леченія его, пригласилъ являться къ столу, но только съ условіями: знать свой приборъ, свою трубку и быть дальше отъ моихъ дѣтей, добавивъ это различными условіями осторожности— этого требовало положеніе его здоровья.

Въ первые дни нашего знакомства я ничего не слыхалъ отъ прекраснаго молодаго человѣка, кромѣ его, разказовъ о себѣ, что судя по красотѣ его, всѣ товарищи называютъ его Апполономъ Бельведерскимъ и какимъ-то еще Алонзою, каковымъ мы его теперь и величать будемъ:—что, обладая всѣми совершенствами и имѣя магическую силу глазъ, онъ ни во что ставитъ побѣду надъ женщинами, предающимися ему безъусловно, но честь ихъ спасала одно его великодушіе. Выслушивая о множествѣ интригъ, я въ особенности замѣтилъ одну съ какою-то дамою, доходившею отъ любви къ нему до крайней глупости, но остановленною его суровыми взглядами, потому что они друзья съ мужемъ, съ которымъ онъ, какъ *сластникъ*, пилъ часто подслащенныя хорошо наливки; но только жаль, что женщина помѣшалась отъ любви къ нему. Какой трогательный случай! Сообщая каждый день новыя свѣдѣнія изъ исторіи своихъ любовныхъ похожденій, нашъ Овидій, между прочимъ, расказалъ объ одной своей интригѣ и на водахъ. Мы по характеру этой дамы, назовемъ ее Кастрикина или Стрекучкина—все равно; но дѣ-

ло въ томъ, что намъ Апполонъ Бельведерскій, Алонзо, Овидій, великой сластникъ и прекрасной молодой человѣкъ,—сначала пренебрегая этою дамою, сжалился наконецъ надъ ея слезами; но однако, какъ она не пришлась ему по сердцу, онъ бросилъ ее, не смотря на моленія и слезы. Зная эту даму съ ея гордостью, претензіями и капризами, я навелъ объ этомъ справки, и что же оказалось? Нашъ прекрасный молодой человѣкъ, дѣлая тщательные поиски знакомствъ и обѣдовъ, какъ приходилъ и въ мою квартиру для освѣдомленія о лекарѣ, котораго онъ вовсѣ и не зналъ,—заходилъ подъ разными предлогами во всѣ дома. Онъ тоже забрелъ и къ этой дамѣ, какъ свѣтской женщинѣ, не чуждой знакомства, но только ожиданія его тоже не оправдались. Принятый гордо, холодно, сухо и съ вопросомъ: что вамъ угодно? сдѣланнымъ ему у самой двери,—сходя съ крыльца, услышалъ Алонзо языкъ ея гнѣва на своихъ людей, за допущеніе къ ней всякой сволочи. Незавидный пріемъ! Но можетъ быть эти слухи распустила принятая въ ея домѣ молодежъ, изъ зависти къ прекрасному молодому человѣку. Немудрено тоже, что эти слухи есть и мщеніе отвергнутой женщины; но что же дѣлать, что нашъ Овидій, по словамъ его, не цѣнилъ уже интригъ безъ затрудненій и особеннаго романтизма. Да, онъ презиралъ женщинъ за легкія надъ ними побѣды. Много что-то онъ разказывалъ о страдающей объ немъ какой-то Вѣрѣ и бредилъ объ отъѣздѣ въ Ситку, куда намѣренъ

былъ увести Софью, поколебавъ въ этомъ случаѣ, какъ говорилъ онъ, всѣ законы нравственные и природы! Замѣчателенъ тоже расказъ его о кучерскихъ вечеринкахъ, гдѣ онъ часто бывалъ, находя тамъ тонъ, вкусъ и образованность. Онъ расказывалъ, что эти люди и горничныя дѣвушки столько образованы, что они могли бы быть въ самомъ лучшемъ обществѣ; что также тамъ танцуютъ французскую кадриль и играютъ въ преферансъ, какъ въ самомъ лучшемъ обществѣ; что также тамъ процвѣтаютъ любезность и вѣжливость, какъ въ самомъ лучшемъ обществѣ! Да, весьма замѣтно было, что онъ хорошо зналъ лучшее общество, а именно когда онъ оправдалъ себя въ этомъ при одномъ случаѣ, взятый нами вмѣсто шута, во время гулянки нашей за мѣстечко, бывшей въ видѣ маленькаго пикника. Онъ, любя оказывать разныя ловкости, съ различными изысканными тѣлодвиженіями и скачками, набилъ на пальцахъ ногъ мозоли. Это обстоятельство было причиною, что нашъ Алонзо, расположившись у стога сѣна, гдѣ не пощадя въ этомъ случаѣ и бывшихъ тогда дамъ, сдернулъ съ себя сапоги и обвертывалъ ноги сѣномъ,—какова вѣжливость! Но впрочемъ подобныя вещи могутъ быть во вкусѣ и духѣ кучерскихъ вечеринокъ.

III.

Прекрасный молодой человѣкъ, въ домашнемъ быту.

Чтобы судить объ роскошномъ жилищѣ нашего племянника богатаго барона, милости просимъ Гг. къ господину Алонзо, не одинъ разъ обкраденному и опасающемуся воровъ. Прекрасный молодой человѣкъ занималъ грязный уголъ на одномъ дворѣ съ одной очень миленькой дамой, пріѣхавшей изъ О. Она прислала за мною какъ за медикомъ, а потому, проходя мимо окна Апполона Бельведерскаго, я заглянулъ въ его открытое, кособокое окно, съ мозаикомъ слѣпленнымъ замазкою битыхъ стеколъ, бумаги и лубковъ. Представте себѣ смрадную, тѣсную, наклоненную временемъ юдоль въ видѣ каморки, съ плетневою пригородкою, замѣнявшею переднюю и сѣни, гдѣ стояла неопрятная кадка, исправлявшая должность его ванны, а около ея образовались минеральныя грязи! Мебельная обстановка каморки прекраснаго молодаго человѣка заключалась въ полуразвалившейся кровати, подъ которою вмѣсто одной ножки подставлено было полѣно,—на треногомъ столѣ, съ бутылкою вмѣсто подсвѣчника, изъ горлышка которой торчалъ огарокъ мѣлкой сальной свѣчи, а третью мебель составлялъ, тоже раненый, дряхлый, разбитый параличемъ стулъ—и всѣ эти три, на 9 ногахъ вещи комнатной обстановки, облокотившись къ стѣнѣ,

держались на своихъ подпоркахъ, какъ старые-хромые инвалиды. Гардеробъ прекраснаго молодаго человѣка заключался изъ старой сѣрой суконной шинели, служившей ему и шубою, легкимъ плащемъ и почнымъ покрываломъ;—въ сѣромъ нанковомъ сюртучишкѣ съ такими же брюками и форменномъ сюртукѣ, который для отличія державшагося на плечахъ, называлъ онъ старымъ. Вотъ все имущество прекраснаго молодаго человѣка, къ чему еще прибавить должно деревянную ложку, на долго уволенную отъ должности, трубку съ коротенькимъ чубучкомъ и ситцевый кисетъ, подаренный ему его Катюшею, который она именовала капшучкомъ. Прошу покорно разсудить, чтобы нашелъ воръ въ юдолѣ прекраснаго молодаго человѣка, а особенно ночью, тогда какъ самъ хозяинъ ничего не найдетъ и днемъ съ огнемъ? Конечно вору досталась бы огромная ноша грязи лохмотьевъ,—и неболѣе. Но какъ велико самолюбіе человѣческое! Прекрасный молодой человѣкъ былъ убѣжденъ, что при собственной цѣнѣ его, все окружающее—ничтожество. Когда я разсматривалъ комнату прекраснаго молодаго человѣка, онъ въ это время нѣжился еще послѣ утренняго пробужденія на своей кровати, на которой испытывалъ частые провалы. Передъ нимъ стоялъ тогда, посѣтившій его сапожникъ, которому онъ говорилъ, вытянувъ передъ нимъ руку: »посмотри какія у меня славныя мышцы и какое прекрасное туловище! Вѣдь дѣйствительно я похожъ на Апполона

Бельведерскаго!» Сапожникъ очень легко могъ видѣть тѣлосложеніе прекраснаго молодаго человѣка, потому что на немъ былъ одинъ только воротникъ сорочки, къ которому прикрѣплялось образовавшееся изъ холста trou-trou, какъ произведеніе времени и грязи. Отвѣтъ на похвалы остался въ умѣ сапожника, потому что тотъ и другой, замѣтивши меня стоящаго у окна, смѣшались, онѣмѣли—и сапожникъ скрылся.

— Ахъ войдите пожалуйста въ комнату, говорилъ мнѣ Алонзо.

— Извините почтеннѣйшій, я не имѣю времени—спѣшу къ вашей сосѣдкѣ, надъ которою вы, навѣрное, одержали уже побѣду?

— Конечно это бы было для меня нетрудно, но вы знаете какъ я отвлеченъ—я вовсе не имѣю времени.

— Ахъ какая у васъ въ комнатѣ душная атмосфера, сказалъ я ему, пораженный комнатнымъ зловоніемъ, смѣшаннымъ съ испареніями, бывшими слѣдствіемъ меркуріальнаго леченія.

— Да, что дѣлать—есть душокъ.
— Прощайте почтеннѣйшій!
— До свиданіясъ—я скоро приду къ вамъ обѣдать.

Но за обѣдомъ Аппoлонъ Бельведерскій не могъ ничего кушать, не смотря и на постоянно хорошій его аппетитъ—потому, что, по словамъ его, вчера вечеромъ вертѣвшись съ сапожникомъ какъ то на колѣ, онъ разбилъ себѣ зубы. На этотъ разъ онъ распространился о гимнастическомъ искуствѣ, прославляя сапожника великимъ гимнастикомъ, что, будто бы, было причиною и знакомство его съ сапожникомъ. Послѣ обѣда, подстрекаемый нѣкоторыми изъ гостей, онъ показывалъ различныя гимнастическія штуки какъ то: вѣшался на дверяхъ, прыгалъ черезъ стулья; подставленную палку и на дворѣ черезъ веревку. Наконецъ онъ, разсердившись за то, что веревкою умышленно уронили его на землю,—отправился въ свою кануру.

— Да, да онъ точно больной фокусникъ, сказалъ кто-то, почесывая свой затылокъ, вѣроятно припомнивши расплату за его проигрышъ. Вы помните, я думаю, какъ мы играли въ рубликъ и этотъ рубликъ, упавшій на платье одной дамы, пропалъ не издавши звуку; рубликъ, который бросился поднимать прекрасный молодой человѣкъ. Вопросъ: кудаже онъ дѣвался? А вѣдь я тогда же, послѣ васъ, велѣлъ поднять половницы!

— Если этотъ рубль серебра просверленъ на краю и съ пленкою, то я видѣлъ какъ онъ покупалъ на него табакъ, сказалъ одинъ изъ гостей.
— Ну такъ и есть! возопіялъ другой: такъ и

есть! Я знаю что вѣдъ у него гроша денегъ не было, а рубль этотъ самый—замѣченъ мною.

Я даже тогда и замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ это приобрѣніе, но ничего на это не сказалъ. Впрочемъ къ добрымъ оттѣнкамъ нравственныхъ свойствъ прекраснаго молодаго человѣка должно замѣтить, что это обстоятельство тогда очень конфузило его. Предвидя, что рубль серебра падетъ на него, онъ говорилъ мнѣ: »скажите какой случай! и гдѣ толь»ко могъ дѣваться этотъ рубль серебра! Зная мни»тельный характеръ хозяина, меня одно только »убиваетъ—онъ непремѣнно подумаетъ на меня». Впрочемъ я объ этомъ ни слова, но кто-то, обращаясь ко мнѣ, отозвался такъ:

— Признаюсь, мнѣ очень непріятно было посѣщеніе его ко мнѣ, не смотря на то что онъ былъ съ вами. Дѣйствительно, онъ можетъ быть только принятъ у сапожника, съ которымъ расколотилъ себѣ зубы.

— Онъ, если хотите знать, другъ дома этого сапожника, говорилъ князь высмотрѣвшій въ окно одну забавную сцену, свидѣтельствуясь въ этомъ бывшимъ съ нимъ его знакомымъ. Впрочемъ истинну расказа князя подтвердилъ и сапожникъ, оставшійся недовольнымъ поступкамъ съ нимъ прекраснаго молодаго человѣка. Теперь, собравъ всѣ нужныя объ этомъ свѣдѣнія, я сообщу вамъ о пребываніи у сапожника Апполона Бельведерскаго.

IV.

Прекрасный молодой человѣкъ у сапожника.

Снабженный весьма скудными средствами для пребыванія на водахъ, сначала Алонзо нерасчетливо велъ расходы; но скоро и совсѣмъ остался безъ денегъ. Что оставалось дѣлать прекрасному молодому человѣку безъ денегъ и безъ всякихъ средствъ имѣть ихъ, потому что ни продать, ни заложить было нечего. Не многимъ бы чѣмъ могла снабдить нашего Апполона Бельведерскаго его матушка, бѣдная вдова, но она, для отъѣзда его на воды, истощила уже всѣ послѣднія средства, а при томъ гдѣ и отыскать ее было, да и скоро ли могли они списаться между собою. Хотя было недалеко, но, судя по направленію почты, онъ не мѣнѣе какъ черезъ мѣсяцъ могъ дождаться отъ нея отвѣта; словомъ, прекрасному молодому человѣку было ѣсть нѣчего, а притомъ скупой бѣднякъ хозяинъ гналъ его съ квартиры и обиралъ послѣднія лохмотья. Что ниговорите но положеніе его было весьма затруднительное, а особенно при неудачныхъ поискахъ знакомства и обѣдовъ. Что въ такомъ случаѣ оставалось дѣлать, хотя и прекрасному молодому человѣку, но все таки нелишенному аппетита покушать, тогда какъ нужда застала его съ нѣсколькими мѣдными монетами, остатками четвертушки Жукова N 3 табаку и съ огаркомъ сальной

свѣчи. Вотъ все, что, по собственному его признанію, оставалось у него для пропитанія, нѣкоторыхъ прихотей и освѣщенія. Еще одинъ день—и деньги издержаны были на покупку хлѣба и молока, а табакъ докуренъ и онъ остался съ однимъ сальнымъ огаркомъ. Впрочемъ судьба, на этотъ разъ, была къ нему милостива. Она, посѣтивъ его новымъ горемъ тѣмъ, что отъ сапога его оторвалась подошва и выглянули на свѣтъ пальцы, за это новое испытаніе умѣла и вознаградить. Голодный и полубосой Алонзо, изыскивая средства какъ нибудь и въ чемъ нибудь поправить свое горе, отправляется надувать сапожника и вотъ причина его ласкъ, дружбы съ сапожникомъ и той сцены, которую подсмотрѣлъ князь *** и пр. бывшіе съ нимъ. Князь, проходя мимо, видѣлъ только самыя замѣчательныя сцены, но остальное все пересказалъ уже сапожникъ, призванный нами для пополненія расказа князя. Изъ соединенія этихъ свѣдѣній я передамъ вамъ все отъ начала до конца.

Алонзо приходитъ къ сапожнику во время самаго ужина. Пораженный испареніями отъ груды вареной говядины, нарѣзанной на желтой деревянной тарелки, Алонзо воскликнулъ: »тьфу пропасть! Вообрази братецъ странное свойство моей натуры«!

— А что сударь?

— Ежели я имѣю аппетитъ и слышу запахъ

пицы, то право, если бы только несовѣстно было, такъ бы и уписывалъ! а обѣдалъ сего-дня я очень рано.

— Что за совѣсть—милости прошаемъ непогнушаться чѣмъ Богъ послалъ! мы сѣли за столъ и я послалъ взять винца.

Таковъ былъ дополнительный расказъ сапожника, подтвердившаго потомъ о всѣхъ сценахъ, видѣнныхъ княземъ, конечно уже послѣ того, какъ Алонзо, раздѣляя вечернюю трапезу съ сапожникомъ, женою его пачкаными работниками, поналился животворной влаги и, вѣроятно, изъ полосатаго съ толстымъ донышкомъ, прыщеватаго зеленаго стекла стаканчика. Князь видѣлъ уже его въ театральномъ положеніи. Онъ, съ утратою равновѣсія, стоя передъ сапожникомъ, человѣкомъ небольшаго роста, остриженымъ въ кружокъ и облеченнымъ въ длиннонанковый сюртукъ,—декломировалъ слѣдующее.

— О истиное порожденіе человѣка, отдаленное отъ холодныхъ истукановъ большаго свѣта. Въ васъ однихъ жизнь сердца! (обращаясь къ женѣ сапожника) Сударыня! дайте мнѣ вашу ручку! Вы истинный образецъ женщины—вы идеалъ ея!

Пачканая, засаленая, босоногая баба не успѣла и очнуться, какъ на грязной лапѣ ея, съ истрескавшеюся кожею и тѣстомъ около ногтей, отчмока-

лось нѣсколько поцѣлуевъ Алонзы. Въ этомъ случаѣ нельзя и обвинять Алонзу. Разсудите, чего не заставитъ сдѣлать голодъ—ему нужны были дружба, привѣтъ и обѣдъ, въ которыхъ всѣ ему отказали, всѣ его отвергли; но въ домѣ сапожника онъ встрѣтилъ и угощеніе и приглашеніе. Дѣйствительно сапожная чета ему показалась лучшею въ мірѣ, а при томъ, для изъявленія своей признательности, онъ былъ еще и въ искуственно-восторженномъ расположеніи духа. Жаль только, что на первый случай эта честь была кормомъ не въ коня, но за то послѣ она оцѣнила наилучшимъ образомъ.

— Что ты! что ты баринъ! барыня я что ли, али иная-какая прочая такая, было отвѣтомъ бабы на его поцѣлуи—и она продолжала: нѣтъ! не приходится тебѣ цѣловать мою руку, что не приходится! Да и добрыя люди, когда узнаютъ объ *евтомъ* такъ надомною смѣяться будутъ.

— О простая дочь природы, достойная видѣть лучшихъ изъ смертныхъ у ногъ своихъ! вопіялъ, ставъ передъ нею на колѣни, Алонзо и продолжалъ: наше общество, наши дамы, ни что иное какъ выпускныя куклы! актрисы! притворщицы! бездушныя!

— И ну тебѣ баринъ! полно дурить-то! я вѣдь не шутиха тебѣ досталась; али иная какая прочая

что ли? Ну пристойно что ли тебѣ передомною на колѣняхъ стоять!

— О вы не знаете цѣны себѣ вашею наивностью! вашею простотою нрава, чистотою сердца! и Алонзо снова схватилъ ея руку.

— Что ты дура руку-то вырываешъ! возопіялъ наконецъ вставшій съ лавки сапожникъ; ну подай его милости! вѣдь его дѣло вѣжливое, дѣло благородное! дѣло ученое!

Прекрасный молодой человѣкъ поэтически чмокнулъ раза два руку бабы, которая протянула ее какъ панна. — Онъ откланялся и сапожнику, дружески пожавъ его руку съ обѣщаніемъ на покорнѣйшую прозьбу—приходить безъ *черемоній на предки.*

Алонзо, вышедши отъ обязательнаго сапожника, наткнулся было на князя, который, пользуясь темнотою ночи, слушалъ уже домашніе трактаты, бывшіе слѣдствіемъ посѣщенія Алонзы.

— А что баринъ-то полуумный что ли? говорила мужу, проводившиму гостя, полупьяная сапожница.

— Эхъ дура ты *евдакая!* Гмь! полуумный. Послушала бы ты его, такъ онъ и всѣ звѣзды-то

наперечетъ знаетъ. Знаешъ ли ты вотъ *евту* большую звѣзду, что свѣтлѣе то всѣхъ?

— Коли же я знаю!

— Евто сиринъ усъ! а вонъ медвѣдь, а вонъ *молошной* путь! а живутъ-то тамъ все такія же люди.

— Такъ во что!

— Э! башка этотъ баринъ—на все собаку съѣлъ. Подикася ну какой вѣдъ продувной. Онъ вымѣрилъ сколько, напримѣръ, до солнца, до мѣсяца верстъ будетъ. А знаешъ ли отъ чего недавно было затмѣніе?

— Да кто его вѣсть.

— Видишъ что! мѣсяцъ солнце заслонилъ, вотъ и темно стало.

— Какъ же *евто*?

— Это его спроси. Онъ много мнѣ что-то давича, какъ ты ужинъ намъ собирала, толковалъ. Много и что-то больно хорошо *и прикрасно* говорилъ, и мудрено, но только непонятно.

— Ужъ что мудрено, то мудрено баетъ!

— Ужъ *точiю* ему чести приписать можно, а ино мѣсто такъ мудрено—что непоймешь, а все такъ хорошо и *прикрасно*. А ино мѣсто, нѣче сказать, ужъ занесетъ тебѣ акалесную, да какими-то все акивоками! ну, *истикурникъ*! (*).

— А я дура сочла его за полуумнаго.

— Вѣстимо дура! У бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ; а потому баба и умнѣющаго человѣка за дурака почитатъ.

— А какъ онъ руки мои цѣловалъ, что-то будто дурно, больно не хорошо было, что-то не пригоже какъ бы.

— Вѣдь его дѣло не *точiю* что мы съ тобою! Его дѣло благородное, дѣло разумное, дѣло вѣжливое! Вѣдь какъ онъ тебя превозносилъ, что и мнѣ-то любо было. Эхъ дура ты *евдакая*, если бы ты съ *умнѣющими* (**) людьми компанiю водила, то не то бы и говорила. Ты вымой-ко руки почище, а когда поцѣлуетъ, то поклонись пониже да и скажи: покорно благодарю! Да и каждый разъ такъ дѣлай, а онъ и подумаетъ себѣ: вотъ-де, она и по благородному знаетъ!

(*) Нѣчто въ родѣ мудреца—на языкѣ простолюдиновъ. *Точiю* же иногда означаетъ точно, а иногда—то или а только. Да судя по смыслу.
(**) т. е. умнѣйшими.

— Ни *што!* Пусть себѣ цѣлуетъ да милуетъ! А вѣдь стало-быть я этого стою?

— Ничто! не стоила бы, такъ не дѣлалъ бы.

— Погоди же дворничиха! пусть ка она носъ теперь подниметъ, я скажу ей: я неточію что ты! У меня какіе разумные да ученые люди руки цѣловали, которые всѣ грамматики да арихметики произошли. А вѣдь кажись у него *богачества*-то нѣту-ти-ка ни какого.

— Гмъ *нѣту*! Не *нѣту*, а онъ кошелекъ съ деньгами да бумажникъ обронилъ дорогой. Дайка срокъ ему, когда деньги-то пришлютъ! какихъ вѣдь онъ и подарковъ тебѣ наобѣщалъ.

— Вотъ тогда-то что скажетъ дворничиха. Небось! и полицейскаго ундера жена мнѣ поклонится. А какъ говоритъ ундерша, будто его сте......

— А гдѣ же здача съ синей ассигнаціи! возопіялъ хозяинъ, протянувшій на полку руку, чѣмъ прервалъ недоконченную рѣчь жены своей и разговоръ ихъ обратился на другіе предметы. Между смѣшанными голосами слышался отзывъ одного изъ работниковъ: какъ не *богатѣй!* Вамъ евто такъ говорилъ, а глядишъ—онъ и слимонилъ, потому

что *семенилъ* около полки, а кому *узять* опричь его? Далѣе князь ничего неслыхалъ, потому что затворились окна. Когда онъ намъ расказалъ объ этой исторіи, происходившей въ домѣ сапожника, мы поняли тогда, отъ чего князь такъ самонадѣянно сказалъ однажды: гг. этого господина я заставлю прыгать черезъ палку какъ пуделя, тогда какъ онъ мнѣ вовсе не знакомъ. Я первый сказалъ князю: этого быть не можетъ! держалъ пари и, по милости этого негодяя, проигралъ бутылку шампанскаго. Тогда пойманный Алонзо сколько не отнѣкивался, но князь сказалъ ему: почтеннѣйшій! насъ здѣсь только трое, изъ числа которыхъ, двое васъ очень хорошо знаютъ, а передомною вамъ нѣчего церемониться; или вы пригайте сейчасъ же, или!.... понимаете? и Аппо-лонъ Бельведерскій, краснѣя отъ стыда и досады, два раза перепрыгнулъ черезъ подставленную ему палку. Я спрашивалъ, послѣ, князя: какое онъ имѣетъ право на безусловное повиновеніе къ нему Алонзы? но князь отозвался на это: можетъ быть скажу послѣ; а теперь, извините, не могу—я далъ ему слово. Спрашивалъ я также объ этомъ и Алонзу; но онъ сказалъ мнѣ: знаете, что этотъ дуракъ князь владѣетъ моею перепискою, заключающеюся въ важномъ политическомъ обстоятельствѣ! однимъ словомъ—можетъ открыть политическое преступленіе. Теперь господа я раскажу, вамъ о подвигѣ его охоты.

V.

Прекрасный молодой человѣкъ на охотѣ.

Этотъ Аполлонъ Бельведерскій рѣдкій человѣкъ, дивный человѣкъ! Съ тѣхъ поръ какъ мы узнали его,—то слушали его повѣствованія о себѣ, до тѣхъ малѣйшихъ подробностей какъ онъ, любя кушать съ молока пѣнки, умѣлъ похищать ихъ; то были слушателями различныхъ, бывшихъ съ нимъ, обстоятельствъ. Однажды Алонзо навязался итти со мною на охоту; но какъ я имѣлъ только одно ружье—собственно для себя, то, по убѣдительной прозьбѣ его, послалъ достать для него какое нибудь другое, что было и исполнено. Принесли какое-то старое, ржавое ружье, на которое ни я, ни, обрадованный случаемъ пострѣлять, Алонзо—по скорости, не обратили вниманія. Во время перехода нашего черезъ крутыя горы, я, шутя, предложилъ моему спутнику—скатиться съ вершины одной изъ нихъ; но Алонзо, принявъ это предложеніе за наличную монету, передалъ бывшему съ нами человѣку ружье и сброшенный имъ съ плечь сюртукъ, приготовившись къ необыкновенному путешествію. Человѣкъ съ ума сходитъ, подумалъ я и сказалъ, что это шутка одна; но онъ, представляя всѣ удобства такого пути, въ замѣнъ непріятнаго положенія почти ползти съ горы, убѣждалъ меня: хотя разъ въ жизни уважить его прозьбу—быть

въ этомъ товарищемъ. Мнѣ пришло на мысль отмстить ему за дурное мнѣніе его о хорошо знакомой мнѣ дамѣ и за клевету одной благородной дѣвицы, такъ дерзко и нагло очерненной имъ въ нѣкоторомъ обществѣ. Итакъ, предвидя бурьянъ, изсохшую—колючую траву, мѣлкія острыя камешки и крапиву, ожидавшихъ угостить собою прекрасное, рекомендованное сапожнику, туловище Апполона Бельведерскаго, сквозившее въ извѣтшалой ткани—я согласился на его предложеніе и ожиданія мои оправдались. Катившійся съ горы Алонзо стоналъ отъ боли; но, при быстрой стремительности внизъ, удержаться было невозможно. Онъ, у подошвы горы, нашелъ себя исцарапаннымъ, съ множествомъ заносъ и обозженнымъ крапивою. »Признаюсь, ужасное мученіе«! возопіялъ Алонзо; но я, утѣшая его однообразіемъ нашей участи, говорилъ: посмотрите какъ пострадалъ и мой сюртукъ; онъ едва неплачетъ бѣдный! Впрочемъ это немѣшаетъ для циркуляціи крови, продолжалъ я, припоминая *нѣкое приключившееся съ нимъ обстояніе*, о которомъ, извините, давши ему одинъ разъ честное слово, не скажу ни кому; но что за сцѣпленіе обстоятельствъ! самая его и охота была хуже нежели неволя.

Прекрасный молодой человѣкъ отъ меня отсталъ и, преслѣдуя пернатыхъ, по незнанію мѣстности забрелъ наконецъ въ болото къ лягушкамъ, потому что сколько не щелкалъ онъ куркомъ своего

ружья, онъ нетолько не извлекъ воспламенительной для пороху искры, но даже спущенный курокъ не издалъ надлежащаго звуку. Что за диковина такая! смотритъ—и чтоже?—кремень-то деревянный!.... Можно вообразить огорченіе и досаду прекраснаго молодаго человѣка, имѣвшаго такое ревностное желаніе—пострѣлять и претерпѣвшаго столько трудовъ и испытаній, но неудовлетворившаго своимъ желаніямъ. Наконецъ онъ предсталъ передъ мною обмокшій, весь въ грязи и съ утратою одного сапога. Какія же были послѣдствія такого комическаго явленія? Вмѣсто одной, на него вооружились всѣ горы и долы, потому что, ступая босою ногою по колючимъ мѣстамъ, онъ почти каждый шагъ свой оглашалъ оханьемъ, безпрестанно надѣвая одинъ сапогъ то на ту, то на другую ногу; но наконецъ пришла ему благая мысль—одну ногу облечь въ свою шапку.

Алонзо весьма сердился на меня за вопросы: хорошо ли стрѣляетъ его ружье и много ли онъ убилъ дичи, отдавши за нее чорту, вмѣсто пошлины, свой сапогъ? Вы господа конечно не испытали этого, чтобы вашею собственною досадою оцѣнить въ подобномъ случаѣ насмѣшки, чего желаю и вамъ и, впослѣдствіи, почтеннѣйшему читателю, за что вѣроятно не останусь отъ всѣхъ васъ безъ особенной благодарности и собственныхъ вашихъ желаній....

VI.

Прекрасный молодой человѣкъ въ радости, въ горести и въ Галлереѣ.

Возвратившись съ охоты, я встрѣтилъ у себя одного, служившаго нѣсколько времени подъ моимъ начальствомъ, молодаго медика, котораго я любилъ какъ роднаго—какъ меньшаго моего брата. Послѣ первыхъ порывовъ свиданія и перелетнаго говора объ разныхъ разностяхъ, конечно дѣло дошло и до моей охоты, какъ о самомъ ближайшемъ обстоятельствѣ, предшествовавшемъ встрѣчѣ меня. Собесѣдникъ хохоталъ похожденію прекраснаго молодаго человѣка, но вмѣстѣ съ этимъ ужасно досадовалъ на то, что онъ принятъ у меня въ домѣ. Чудакъ напалъ на меня со всею горячностью юноши сангвиника, какъ будто за обстоятельство собственно касающееся до него и, исчисляя всѣ, достойныя прекраснаго молодаго человѣка, свойства, наконецъ сказалъ мнѣ, не слушая никакихъ моихъ оправданій.

— Держу пари, что за хлѣбъ, за соль и за попеченія объ немъ, онъ отплатитъ вамъ самымъ чорнымъ образомъ!

— Онъ мнѣ ничего не можетъ сдѣлать.

— Но лишенный средствъ вредить вамъ, по крайней мѣрѣ, онъ заплатитъ за все самою гнусною клеветою или на васъ, или на членовъ вашего семейства. Я это знаю изъ опытовъ—и этотъ человѣкъ ни кому ни чѣмъ не платитъ иначе.

— Тебѣ такъ кажется любезный, не только отъ сильнаго къ нему предубѣжденія, но даже замѣтной какой-то ненависти.....

— И даже непобѣдимой! Откровенно вамъ скажу: я самъ не знаю за что его ненавижу! но продолжайте, что вы хотѣли говорить.

— Я не думаю, что бы онъ могъ меня въ чемъ ни будь клеветать и чернить чѣмъ; а если бы пришло ему это на мысль, то для меня все-равно. Кто меня знаетъ тотъ ему не повѣритъ; кто же не знаетъ, то пусть тотъ думаетъ какъ ему угодно. Да едва ли кому интерестно обомнѣ что нибудь и знать.

— Свѣтъ такъ золъ, что пущенная молва, лишъ бы только чорная, то какою бы она не была сплетена несодѣянностью, она найдетъ для себя пристанище и плодоносную почву. Да, клевета такъ ядовита и несносна, какъ дурманъ, репейникъ и крапива; но кто разводитъ эти растѣнія, заглушающія самыя прекрасныя цвѣты! Слыхали ли вы отъ него добрыя вѣсти о какомъ-нибудь семействѣ, гдѣ онъ бывалъ принятъ?

— Кто же его будетъ слушать, кромѣ какихъ нибудь кумушекъ голубушекъ, подобныхъ Сашинькѣ и Катинькѣ, о которыхъ мы недавно говорили. Его сплетни только и могутъ украшать какіе-нибудь грязные, сальные уголки, гдѣ клевета на порядочныхъ людей есть первая пища развращеннаго сердца. Тамъ только клевету питаетъ зависть и ненависть ко всему нравственному; но какая мнѣ надобность до этихъ бездушныхъ отголосковъ и какой цѣной долженъ цѣниться тотъ, кто будетъ слушать и передавать отзывы этой твари.

Какая вамъ надобность принимать этого негодяя?

— Крайность, его безпріютность!

— Но кто въ этомъ виноватъ? Вѣдь надобно различать порокъ и несчастіе.

— Порокъ есть тоже несчастіе, потому что порочный несчастливъ и оно имѣетъ одинаковый результатъ—злополучіе. Сколько примѣровъ, что порядочный человѣкъ совращается съ пути, а негодяй исправляется! Онъ шалунъ, мотишка, смѣшенъ и неболѣе; но это все преходящее, зависящее отъ времени и перемѣны жизни, а потому должно поддерживать подобнаго.

— Знаю что вы сострадательны, а потому дайте ему средства помощи,—дайте кусокъ хлѣба; но что

у васъ за страсть—окружать себя всякою сволочью и сволочью вредною? Нѣтъ, какъ хотите, а у васъ.....

Отворяется дверь и—явленіе новыхъ лицъ прекратило недоконченную рѣчь. Вошла давно знакомая намъ, пріѣхавшая купчиха и съ премиленькою, прехорошенькою дочькою, въ полномъ смыслѣ этого слова. Я иначе не могу сравнить героиню моего расказа, какъ съ распускающимся бутономъ розъ, и этотъ приволжскій цвѣтокъ такъ былъ хорошъ, свѣжъ и ароматенъ, что имѣлъ какую-то особенную притягательную силу; но роза была съ шипами. Нельзя сказать чтобы цвѣтущая Сашинька получила блистательное воспитаніе, но она была ловка, граціозна и чаровала звучнымъ, серебрянымъ голосомъ пріятной рѣчи, не приправленной жеманствомъ и кокетствомъ.

Медикъ мой врѣзался въ красавицу по уши. Весь остатокъ этого вечера, посвященнаго пріятнымъ встрѣчамъ и истинно дружеской бесѣдѣ, онъ не сводилъ глазъ съ нея и, кажется, съ этого времени, заронилъ искру первой любви въ ея воспламененное дѣвическое сердце. На другой день онъ пархалъ съ нею въ галлереѣ,—этомъ сборникѣ нравовъ, о которомъ, прервавъ нить моего расказа, я дамъ вамъ понятіе.

Галлерея*** минеральныхъ водъ! о—это тузсмная

выставка нравовъ, съ самыми рѣзкими ихъ чертами, самыми сильными оттѣнками, провинціализма разныхъ мѣстъ и вся опутана сѣтями. Тамъ заѣзжіе игрочки ловятъ богатенькихъ простачковъ, доктора—больныхъ, маменьки—женишковъ, а дочки куютъ цѣпочки на какого-нибудь заѣзжаго гвардейца; но тотъ надѣваетъ очки на носъ мужа хорошенькой жены—и все идетъ вверхъ дномъ и наизнанку, вмѣстѣ съ праздною молодежью и ея грузомъ доморощенныхъ и иноземныхъ глупостей. Въ галлереѣ, на этомъ сборищѣ колекъ и хворыхъ, биржѣ невѣстъ и тепсихорномъ ристалищѣ жениховъ—много пролито поту и шампанскаго! Тамъ и безпрестанно ссорятся и мирятся, а особенно барыни, за первенство управлять обществомъ, которое очень часто дѣлится на партіи. Въ другомъ отношеніи, галлерею можно сравнить съ цвѣтникомъ человѣчества, гдѣ каждое лѣто проявляются новые, болѣе однолѣтніе цвѣтки, къ числу которыхъ принадлежала Александра И... съ ея нѣжнымъ личикомъ, открытыми томно-голубыми глазами, гроздіями каштановыхъ кудрей, гибкимъ—стройнымъ станомъ и маленькой ножкой. Александра И... явилась въ галлерею съ тою милою застѣнчивостью до полуробости, которая очень нравится намъ мущинамъ, чарующимся зарею ланитъ дѣвы, но леденѣющимъ отъ кокетственной бойкости. Сверхъ чаянія, Александра И... утомлена была вниманіемъ къ ней молодежи; но скоро устремились на нее, напитанныя завистью, дерзскіе взгля-

ды до безсовѣсности и—до ушей робкой купчихи долеталъ наглый шопотъ завистливой спѣси. Впрочемъ все это остановилось тоже отъ ѣдкихъ и, не совсѣмъ нѣжныхъ, замѣчаній вашего покорнаго слуги, который, брошенною въ глаза зависти горстью соли, остановилъ ея преслѣдованіе. Кромѣ того, я и медикъ объявили себя защитниками Александры И...

Уже если все было очаровано Александрой И... неужели она могла ускользнуть отъ вниманія Алонзы,—неужели сердце ея могло незатрепетать отъ магическихъ его взоровъ? Никакъ! Послѣ неудачнаго похожденія на охоту, ему прихворнулось такъ, что онъ дни три не выходилъ изъ дому; но первое проявленіе его на свѣтъ было въ галлереѣ, гдѣ, по обыкновенію, онъ въ vis à vis съ другимъ такимъ же молодцемъ, танцовалъ всегда съ опальными дамами, или принадлежавшими къ забракованнымъ кавалерами, а потому на долю этихъ двухъ господъ доставались очень незавидныя созданія. Странная вещь! Этотъ другой, такъ же какъ и прекрасный молодой человѣкъ, въ оборванномъ сюртюкѣ и худыхъ сапогахъ, и тоже знакомъ хорошо съ сапожникомъ; но они не терпѣли другъ друга и другъ другомъ пренебрегали! Однако, не смотря на все это, у нихъ были общія дамы для танцевъ и они въ вѣчномъ vis á vis, потому что сколько ни бьются, новый феноменъ никого не находитъ, кромѣ прекрас-

наго молодаго человѣка, а этотъ сколько не суется, но наткнется только на одного пріятеля своего. Становясь съ большимъ неудовольствіемъ въ vis à vis другъ съ другомъ, всегда они одно другъ другу и напѣвали: о неделикатности дамъ и невѣжествѣ необразованныхъ кавалеровъ. Впрочемъ отверженіе его дамами прекрасный молодой человѣкъ относилъ въ свою выгоду, браня ревность мужей и проклиная назидательность маминекъ. Словомъ, онъ считалъ себя за опаснаго человѣка. Однако прекрасному молодому человѣку удавалось иногда вымаливать vis à vis, въ чемъ изрѣдка и не при большомъ стеченіи публики, не отказывалъ ему и я; но, въ такомъ случаѣ, новый феноменъ оставался безъ vis a wis и, завидуя собрату, укорялъ его въ низости искательства, отчего случались ссоры, доходившія потомъ, по окончаніи галлереи, до поединковъ въ родѣ англінскихъ, или просто—до драки. За всѣмъ тѣмъ, невозможность существованія одного безъ другаго, примиряла ихъ очень скоро. Мы не разъ слышали, что новый феноменъ, ставъ сзади прекраснаго молодаго человѣка, если только онъ находилъ другое vis a vis, говорилъ ему во время танца въ глаза: »Эка! эка! выкланялъ, выпросилъ милости, да и чванится»! Всѣ отъ души этому смѣялись.

Однажды мы не успѣли уклонить Александры И... отъ непріятности танцовать съ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, вопіявшимъ потомъ: ахъ

какая душка! ахъ какая душка! и онъ сказалъ мнѣ по секрету, что она видимо къ нему неравнодушна. Впрочемъ мой медикъ, своими мѣрами, озаботился объ уклоненіи отъ ней такого опаснаго кавалера.

Съ прибытіемъ моего гостя Алонзо бывалъ у меня гораздо рѣже, являясь только къ столу, потому что недругъ его насмѣхался надъ нимъ на каждомъ шагу и они ненавидѣли другъ друга всѣми силами души, а это необошлось безъ своихъ послѣдствій. Былъ случай что прекрасный молодой человѣкъ вбѣгаетъ ко мнѣ въ величайшемъ восторгѣ съ полулистомъ въ рукѣ, и вопіетъ съ неистовою радостью: «посмотрите, посмотрите—вѣдь всѣ мы »описаны и я здѣсь! Вѣдь не помѣстили же меди»ка. Посмотрите пожалуйста! и каково же: я на»званъ вашимъ знакомцемъ и вы здѣсь!« Это была какая-то породія на общество, въ видѣ афиши и всѣ лица выставлялись какъ фокусники какіе-то. Разумѣется, это непонравилось ни кому, кромѣ Апполона Бельведерскаго, про котораго было написано: »студентъ съ краснымъ носомъ по»лезетъ пустую бутылку«. Вѣроятно этимъ выказывалось веселое его поведеніе, безъ средствъ бытъ веселымъ, кромѣ того, что ему оставалось утѣшать себя только нюханьемъ пустыхъ бутылокъ. Алонзо былъ восхищенъ этимъ! и убѣжалъ показывать объявленіе всѣмъ, кому только могъ. Черезъ часъ прибѣгаетъ онъ съ разбитымъ лицемъ,

на которомъ отпечатались слѣды пощечинъ. Смущенный и вышедшій изъ себя, онъ возопіялъ возвышеннымъ голосомъ: »убѣдите пожалуйста этого медика, что дерзкіе его шутки вовсе не имѣютъ мѣста! Подобныя выходки извинительны только потому, что онъ непонимаетъ какъ они обидны. Ему досадно что въ меня влюблена Александра И... но ростолкуйте себѣ—виноватъ ли я? и развѣ, такъ же какъ и онъ, я немогу искать руки ея«!

При послѣднихъ словахъ прекраснаго молодаго человѣка входитъ и пріятель мой съ словами: »и бутылочнаго негодяя съ краснымъ носомъ били по щекамъ за то, что бы онъ не чернилъ и не клеветалъ на невинную, презирающую его дѣвицу!«

Алонзо не сказалъ на это нислова, но я, взявъ его за руку и подводя къ медику, говорилъ: прошу господа помириться, потому что и худой миръ лучше доброй ссоры.

— Помилуйте—я иначе и непринимаю какъ за шутку, сказалъ Алонзо, протягивая руку.

— Оно иначе и не должно быть принято, судя по обстоятельствамъ!—было отзывомъ другаго.

Алонзо, оставивши насъ, какъ узнали мы, отправился разсказывать сапожнику и прочей, вѣрившей ему на слово, братіи, что, вслѣдствіе сопер-

ничества между ними, онъ прибилъ медика какъ труса, отказавшагося отъ благороднаго удовлетворенія; а тотъ, оставшись у меня, прочиталъ мнѣ исповѣдь своего сердца. Восторженный юноша страстно и пламенно любившій Александру И... считалъ себя блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ; но долго любовь ихъ была нѣма, потому что онъ, вполнѣ уважая Александру И... недерзалъ высказать своихъ чувствъ. Наконецъ онъ рѣшился объясниться съ своею очаровательницею и слышалъ робкое ея признаніе—признаніе первой любви, съ запрещеніемъ ему говорить объ этомъ болѣе.

Такъ прошло нѣсколько дней и влюбленный, безпрестанно видѣвшійся съ своею Сашею то у нихъ, то въ домѣ нашемъ, то въ галлереѣ, гдѣ онъ былъ постояннымъ ея кавалеромъ—упрочивалъ, навѣянное любовью, свое счастіе. Казалось ему благопріятствовали всѣ обстоятельства, но вдругъ все перемѣнилось! Мать Саши сдѣлалась холодна къ нему, и онъ невидалъ своей возлюбленной, бывши въ ихъ домѣ. Они почти перестали показываться въ галлереѣ, а насъ стали посѣщать очень рѣдко, избирая то время, когда небыло моего гостя—и не надолго. Пріятель мой былъ въ отчаяніи, но Александра И... такъ похудѣла, что казалось, блекли ея розы и прекрасные глаза туманила печаль. Мнѣ извѣстно было расположеніе матери Саши—выдать ее за него, а потому я рѣшился объясниться съ нею и что же! Она слышать объ этомъ нехотѣла,

но несказала мнѣ причины. Кто бы могъ подумать что причиною этого—прекрасной молодой человѣкъ, оклеветавшій его предъ матерью и увѣрившій ее, что онъ самый развращенный, гнусный и чорный человѣкъ, а при томъ и открылъ ей глаза, чтобы увидѣть взаимную любовь ея дочери. Негодяй Алонзо это дѣлалъ очень скрытно, внѣдрившись въ домъ ихъ, гдѣ бывалъ проселочными путями и,—между тѣмъ, своею вкрадчивостью успѣлъ примирить съ собою недруга. Конечно если бы тогда же это узнали, то обличили бы этого негодяя и я выгналъ бы его изъ дому какъ мерзавца; но все узнано очень поздо для того, что бы поправить дѣло. Грустный юноша видѣлъ уже угасающей лучь своей надежды, а потому возлагалъ на меня весьма трудное дѣло—уговорить мать Саши, для чего дѣйствительно нужна сила парламентскаго краснорѣчія. Онъ просилъ меня разъяснить право сердца на выборъ друга,—напомнить ее молодость и дѣвическую тоску по миломъ. Хорошо зная что все это забывается и понимая характеръ ея матери, я не былъ увѣренъ, что предпріятіе увѣнчается успѣхомъ; но тотъ былъ неотступенъ. Онъ не вѣдалъ того, что ему отказано на отрѣзъ! Зная его пылкій нравъ, чувствительное сердце и гордый характеръ, я не сказалъ ему настоящаго дѣла; но, питая его надежды временемъ, между прочимъ, желалъ отдалить отъ искательства. Дѣйствуя на него ложными идеями, я мечты его сравнивалъ съ обольстительнымъ призракомъ въ видѣ радуги за Летою минув-

шей жизни, а обручальныя ихъ кольца съ цѣнью того новаго бытія, для котораго онъ запасается грузомъ житейскихъ заботъ. Разсматривая раннюю женидьбу съ одной только невыгодной ея стороны, я употребилъ всѣ средства ослабить его идеи. Выслушавъ, онъ сказалъ, что проситъ меня не о диссертаціи in folio, но пособить ему въ горѣ. Онъ не хотѣлъ слышать, что кромѣ его Саши есть еще въ мірѣ роскошный цвѣтникъ Гиминея. Саша была его олицетворившеюся мечтою и—безъ этого цвѣтка его счастія, ему не для чего жить на свѣтѣ. Очарованный любовью, не бросая взгляда въ даль будущности, онъ забывалъ на этотъ разъ что у всякаго былъ свой кумиръ, но откуда только набрались несносныя жены. Онъ немыслилъ, что не должно ввѣряться страсти безъ разсудка и что въ цвѣтникѣ Гиминея неиначе избираются какъ цвѣтки майскіе, райскіе, не земные и эфирные; но часто-часто жизнь людей обвивается колючимъ репейникомъ—страдаетъ отъ жгучей крапивы, или томится дыханіемъ ядовитаго, гадкаго мухамора и ощущаетъ всю горечь своего существованія отъ омега, въ видѣ жизненной спутницы. Конечно этой горькой истинны къ нему применять было невозможны, но странная мысль—онъ одинъ только имѣлъ кумиръ любви! Да, любовь его была слѣпа.

Итакъ никакія убѣжденія на него не дѣйствовали, и мы начали чертить планъ атаки; но, въ самомъ интересномъ мѣстѣ нашего разговора, внѣзапно отворилась дверь и вбѣжалъ Алонзо.

— Защитите пожалуйста! укройте меня! вопіялъ поблѣднѣвшій Аполонъ Бельведерскій.

— Что съ вами почтеннѣйшій? спросилъ я его.

— Зовутъ въ полицію!

— А-а тягу далъ!

— Чортъ тебя возьми, проворчалъ его недругъ; давно бы надобно было засадить туда!—и раздосадованный вышелъ.

— За что же это? спросилъ я Овидія.

— Да вотъ этотъ сапожникъ надѣлалъ—мы поссорились и я его отдубасилъ!

— Такъ вотъ какъ!—браво!

— Представте себѣ! проситъ съ меня деньги тогда, какъ я ему недолженъ, а когда ему отказалъ—вдругъ обругалъ меня обманщикомъ и плутомъ. Наконецъ упрекнулъ меня, что будто бы я стащилъ съ полки деньги!.., Сычужникъ эдакой! да еще и жалуется.

— Такъ объясните все это полицеймейстеру.
— Мнѣ уже смерть—итти въ полицію.
— Такъ неходите и необъясняйте.

— Право вы смѣетесь тогда, какъ другому вовсе не до смѣху. Одолжите немного денегъ! прошу васъ, а мало прошу,—умоляю! мнѣ очень нужно!

— Однако сознайтесь, что вы должны сапожнику, вѣдь это я знаю и проч.

VII.

Прекрасный молодой человѣкъ, какъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.

Послѣ новыхъ совѣщаній съ влюбленнымъ, мнѣ удалось глазъ на глазъ поговорить съ Александрою И... отозвавши ее изъ галлереи въ паркъ. Это случилось во время бывшей тамъ фантазмагоріи, чему способствовала, необходимая въ этомъ случаѣ, темнота, а мать ее занята была разговоромъ.

Первымъ дѣломъ моимъ было допросить ее въ любви; но на противорѣчіе мнѣ, я говорилъ ей: скажите, отъ чего горитъ ваше лице, какимъ огнемъ блестятъ глаза ваши, когда вы говорите съ нимъ. Отъ чего теперь дрожитъ вашъ голосъ и рука ваша, сжатая моею.

— Согласитесь, вы дѣлаете такіе вопросы что...... и она ничего больше не сказала.

— Что вы затрудняетесь признаніемъ въ любви,—неправда ли?

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Дитя! уже вы мнѣ все высказали, но что вы хотѣли говорить еще.

— Я ничего не хотѣла говорить.

— Неправда! неправда милая сестра! (Такъ я называлъ ее по чувствамъ). Говорите мнѣ какъ брату, почтивши меня этимъ именемъ. Скажи мнѣ одно слово милая Сашенька: любишъ-ли ты?

— Да, едва слышно произнесла она, горѣвшая огнемъ дѣвической стыдливости и потупила глаза.

— Согласны ли вы связать съ нимъ жизнь вашу узами брака?

— Да!

— Отдастъ ли васъ за него маменька!

— Не знаю! Но это незнаю было сказано съ глубокимъ вздохомъ и канувшею слезою, обличенною мерцаніемъ луны, отразившею въ ней лучь свой.

— А женихъ вашъ?

— Я ненавижу его и ни кто кромѣ друга сердца

не поведетъ меня къ Алтарю—я тверда въ моемъ намѣреніи!

— Но если ваша маменька не выдастъ васъ за него?

— Иду въ монастырь!

— А если для васъ будетъ приготовлена лихая тройка?

— Ахъ и не говорите этого! Надъ вѣнцомъ брака должно сіять благословеніе матери и тогда благословитъ его Богъ, но надъ нимъ не должно тяготѣть проклятіе!

— Вы не преклонны?

— Совершенно.

— Если же она не пуститъ васъ въ монастырь; но станетъ принуждать выйти за мужъ за противнаго вамъ!

— Я ничего не могу сказать вамъ на это, но попрошу помощи Высшей—попрошу заступленія Сильной.

— Къ кому же вы обратитесь, кто бы могъ сложить волю матери? Вы знаете, что на это

нужна исполинская сила, потому что матушка ваша весьма упряма.

— Ахъ докторъ! Да развѣ вы забыли что есть Богъ и Высочайшая наша Заступница. Предаваясь подъ кровъ Ея, я увѣрена что Она защититъ меня.

— Благоговѣю предъ высокими твоими мыслями дѣвица! сказалъ я, проникнутый до глубины сердца. Вѣрьте что Милосердый неотвергнетъ мольбы къ Нему и благословитъ чистую любовь вашу. Вы столько тронули меня вашею чистотою нрава и упованіемъ на Промыслъ, что, какъ будто, само Небо опредѣляетъ меня—быть вашимъ защитникомъ! Дайте мнѣ вашу руку—и я поцѣловалъ ея миленькую ручку; но въ это мгновеніе за кустомъ послышался шорохъ, на который, ни чего не подозрѣвая, не обратили тогда вниманія.

— Какой же планъ вашъ?

— Отдалить его; обязать отказаться отъ васъ! Неужели вы не понимаете Чацкаго. Дайти мнѣ вашу руку и, еще поцѣловавши хорошинькую ручку Саши, сказалъ ей: я весь вашъ!

— Счастливаго успѣха! проговорилъ кто-то изъ закуста и потомъ высунулась голова Алонзы. Александра И... смѣшалась отъ неожиданнаго свидѣтеля тайны разговора и убѣжала.

— Глупецъ! сказалъ я покачавши головою.

— Чѣмъ же глупецъ? Гмъ! что я подкараулилъ ваше объясненіе. Вѣроломная!... Вы незнаете, что сердце ее принадлежитъ мнѣ!

— Хвастунъ! сколько уже ты обезславилъ дѣвицъ и благородныхъ женщинъ? Конечно тебѣ ни кто не повѣритъ, но иногда необойдется это безъ непріятности, что и было у васъ съ моимъ гостемъ.

— Ну что? медикъ глупецъ! Я вѣдь не хотѣлъ съ нимъ—съ дуракомъ связываться, а то бы доказалъ ему! Вы знаете что несогласился только марать объ него руки.

— И въ такомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе подставитъ лице!

Алонзо взспыхнулъ и—отправился вдоль по аллеи. Онъ, въ удовлетвореніе досады, первому встрѣтившемуся своему знакомому столько меня ругалъ, сколько могъ только съ обѣщаніемъ мстить мнѣ и недругу своему до самой смерти; но, несмотря на то что это говорено было подъ секретамъ, впослѣдствіи, отъ одного до другаго, дошло и до меня. Послѣ этого я думалъ самъ уже выгнать его какъ негодяя, а было не возможно, потому что онъ владѣлъ нашею тайною. Если онъ понималъ ее и иначе, то разъ-

ясненіе причины удаленія нашего, выраженій дружбы и звуковъ какихъ-то условій, чрезъ допросъ неопытной въ изгибахъ Саши, открыли бы настоящее дѣло. Я предупредилъ его, что если онъ разинетъ только ротъ, то и проч. Да и хорошо сдѣлалъ—мы узнали потомъ, что онъ былъ коммисіонеромъ, слѣдившимъ за Сашею.

VIII.

Отъѣздъ прекраснаго молодаго человѣка.

Теперь въ короткихъ словахъ скажу вамъ, что мнѣ удалось наконецъ поправить дѣло тѣмъ, что я вывѣдалъ у матери Саши о причинѣ перемѣны ея къ довѣрителю моему сердечныхъ тайнъ. Онъ передъ нею былъ очерненъ и оклеветанъ; но я разувѣрилъ ее и все пошло по прежнему, еще съ большими надеждами для добрыхъ друзей моихъ. Это было незадолго уже до отъѣзда, а потому только нѣсколько дней оцѣнили казавшихся счастливыми. Кто же былъ демономъ—возмутителемъ,—этимъ гнуснымъ клеветникомъ, отнявшимъ такъ много изъ немногихъ свѣтлыхъ дней его и Саши. Сначала это было неисповѣдимою тайною ея матери, но все открыто въ послѣдствіи.

Наконецъ настал часъ разлуки! Тяжело было для Александры И... разстаться съ милымъ сердцу, безъ вѣрной надежды на обновленіе тѣхъ чуд-

ныхъ, очаровательныхъ дней, запаленныхъ первою любовью, которые казались ей сновидѣніемъ, навѣянныхъ добрымъ геніемъ, но пробужденнымъ отъѣздомъ съ разлукою. Не легко было и ему въ послѣдній разъ поцѣловать ручку Александры И... Да, не легко! и онъ, прослѣдивши мысленно все прошедшее, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ: какъ скоро промчалось неуловимое время радостей! Влюбленный, прощаясь съ Сашею, кажется украдкою, чмокнулъ въ ея розовыя губки; но впрочемъ что намъ за дѣло подмѣчать чужіи тайны. Если же это правда — вѣрьте, то былъ первый и чистый поцѣлуй дѣвы—поцѣлуй въ видѣ увѣренія въ ея любви и клятвѣ въ вѣрности! Не легко ему было разстаться съ нею подъ тяжелымъ еще чувствомъ сомнѣнія. Долго—долго смотрѣлъ онъ въ открытое поле, гдѣ носившійся надъ экипажемъ, взвитый движеніемъ его, прахъ—былъ послѣднимъ призракомъ удалявшихся. Грустно ему было прислушиваться къ замиравшему звуку колокольчика, но наконецъ—все изчезло. Изъ голубыхъ глазъ его брызнули горячія слезы и градомъ скатились по лицу, на что я замѣтилъ ему:

— Странно видѣть плачущаго мущину—а особенно безъ причины; одно тяжелое горе должно только выдавить слезу его!

— Развѣ это недостаточная причина, когда мы утрачиваемъ тѣхъ близскихъ къ сердцу, которыя уно-

сятъ съ собою все счастіе, всѣ радости! Вы знаете, что я растался съ другомъ сердца—съ осуществившеюся мечтою, которою я золотилъ отрадныя думы о земномъ счастіи.

— Да, такъ было и со мною, когда я разлучился съ моею Вѣрою, произнесъ прекрасный молодой человѣкъ, явившійся на дворѣ во время ихъ отъѣзда, но на слова его необращено вниманія.

— Еще не изъ чего не вижу любезный, чтобы разлука была навсегда, сказалъ я съ ободрительной улыбкой.

— Конечно, судя по теперешнимъ обстоятельствамъ, я бы и самъ предсказывалъ другому вѣрную надежду; но что-то тайное, непостижимое внушаетъ мнѣ, что мы разстались на всегда,—что я не увижусь съ нею на землѣ.

— Странная мысль! Они уѣхали не затридевять земель, но будутъ отъ тебя за 200 верстъ только, а притомъ ты непремѣнно зимою пріѣдешъ къ намъ и, вѣроятно, безъ Саши твоей не уѣдешъ обратно.

— Все это такъ хорошо устроенно нами, но иначе говоритъ мнѣ голосъ предчувствія.

— Да, точно! началъ было Алонзо; голосъ предчувствія, что было и со мною и съ Вѣрою—

но бѣдный Алонзо! на его слова опять не обращено вниманія—онъ замолчалъ.

— Повѣрь другъ мой, что это только одно тлѣнное мыслей раздраженіе. Такія думы—слѣдствіе душевныхъ потрясеній разлукою. Мы обыкновенно дѣлаемся неувѣренными въ достиженіи того, что желаемъ всѣми силами души.

— Да, именно такъ! я раскажу, другой случай... примолвилъ было Апполонъ Бельведерскій, но замолчалъ при слѣдующемъ отзывѣ разставшагося съ милою.

— Нѣтъ какъ хотите, но я сомнѣваюсь въ нашемъ свиданіи.

— Да вѣдь ты пріѣдешъ ко мнѣ?

— Если не случится чего другаго, то мы смертны.

— Какія мрачныя мысли! но пойдемъ-ка лучше разопьемъ за здоровье отъѣзжающихъ бутылку вина. Вѣдь ты знаешъ: Русскій пьетъ и съ радости и съ горя!

— Я непрочь—и конечно въ двоемъ, потому что почтеннѣйшему нашему Овидію пить вредно,

а не пустая бутылка, но полная златисто-искрометной влаги—соблазнъ великій! Къ тому же мнѣ нужно кое-что поговорить съ вами, безъ лишнихъ свидѣтелей.

— Прошу васъ поутру къ завтраку, а отъ меня уже отправитесь въ дорогу, сказалъ я прекрасному молодому человѣку, и онъ оставилъ насъ— Пріятель мой, по добротѣ своего сердца, принялъ на себя—доставить его въ К.... безъ чего онъ долженъ бы былъ отправиться пѣшкомъ.

— Этотъ вечеръ былъ послѣднимъ вечеромъ, который, мы съ молодымъ медикомъ провели вмѣстѣ; но что особеннаго сказать о прощаньѣ нашемъ на другой день? Завтракъ увлажненный тостами—обыкновенное условіе; когда же мы чокнулись послѣдними покалами, онъ сказалъ: вспомните послѣ меня объ этомъ послѣднемъ покалѣ! Что-то и еще хотѣлъ вымолвить и остановился — первый звукъ замеръ подъ тяжелымъ вздохомъ. Конечно но такъ сказалъ о послѣднемъ покалѣ, подумалъ я, потому что онъ былъ послѣдній при отъѣздѣ; но потомъ увидимъ, что эти слова были вѣрны.

IX.

Дѣянія, достойныя сердца прекраснаго молодаго человѣка.

Развязка, начавшемуся на водахъ, была уже послѣ. Первымъ дѣломъ, по отъѣздѣ моего пріятеля, пре-

краснаго молодаго человѣка, не оказалось столовыхъ ложекъ и разныхъ вещицъ. По надлежащемъ обыскѣ подозрительныхъ домочадцевъ—въ сундучкѣ рябой Параши найдена благодарственная записка прекраснаго молодаго человѣка. Онъ, въ послѣдніе дни, не имѣя средствъ съ нею видѣться, благодарилъ ее за посылочки, цѣлуя несчетно разъ ея ручки и ножки. Эта Медицейская Венера, какъ грамотная, съ первою почтою извѣстила о всемъ происшедшемъ Аполона Бельведерскаго, сообщивши ему о всѣхъ нашихъ отзывахъ объ немъ и о намѣреніи моемъ сдѣлать поступки его гласными въ К.... Мнѣ пересказано было, что она отправила къ нему письмо, въ чемъ и созналась Параша, а отвѣтъ она должна была получить уже въ С. Впрочемъ Параша недождалась отвѣта. Она отправилась съ водъ больная и на половинѣ дороги нашла для себя могилу. Вскорѣ за тѣмъ, я встрѣтилъ большія непріятности отъ моихъ гонителей. Человѣкъ, незнавшій изгибистой дороги ползкомъ и иначе неговорившій, какъ громко и смѣло—хотя не былъ счастливъ на жизненномъ пути, но за то и не унывалъ при жизненныхъ невзгодахъ. Впрочемъ я счастливо свергнулъ съ себя тяготѣвшее ярмо неправоты, которое обогнуло было меня своимъ тяжелымъ обручемъ и навсегда оставилъ воды.

По пріѣздѣ съ С.—я освѣдомился о письмѣ, и дѣйствительно оно прислано нашей Прасковьѣ Ива-

новнѣ такой-то, дворовой дѣвушкѣ такихъ-то, съ надписью: оставить до востребованія. Въ этомъ письмѣ Апполонъ Бельведерскій, вступаясь за свою прекрасную Венеру, а равно, въ предупрежденіе всякой о себѣ огласки, условливался съ нею во первыхъ: распускать самую гнусную и нелѣпую молву про мое семейство; во вторыхъ—увѣдомлялъ свою возлюбленную, что какой-то другъ его, кажется лакей, имѣетъ уже порученіе: переписать разными руками отправленныя къ этому человѣку, сочиненныя прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, письма отъ имени Александры И... въ которомъ между прочимъ пишетъ »по примѣру— »помнишъ! ея руку тоже въ К.... никто не »знаетъ, но мнѣ необходимо доказатетьство моимъ »словамъ, а иначе не повѣрятъ«.

Чудная спекуляція чорнаго сердца, подумалъ я, и, признаюсь, подивился этой изобретательности. Впрочемъ, навѣрное, онъ не успѣлъ оклеветать эту милую дѣвицу, потому что я предупредилъ его своими мѣрами, отправивши на этотъ случай особенное къ нему посланіе. Наконецъ, обращаясь къ его письму, скажу вамъ, что, заключая его цѣлованіемъ губокъ, щечекъ, ручекъ и ножекъ—остается неизмѣннымъ, для сохраненія инкогнито, безъ имени, фамиліи, числа, мѣсяца и года. Кромѣ того, что я писалъ относительно Александры И... отъ меня было отправлено къ нему и другое письмо слѣдующаго содержанія:

М. Г.

»Хотя вы прекрасный молодой человѣкъ самый львистый, истинный bele l'homme и настоящій Аполлонъ Бельведерскій; но, невогнѣвъ вамъ будетъ, неосторожно захватили съ собою столовыя ложки и прочія извѣстныя вамъ вещи, что доказываетъ благодарственная ваша цидулочка, начертанная къ Прасковьѣ Ивановнѣ, уже извѣстившей васъ о всемъ съ нею приключившемся. Письмо на имя ея въ моихъ уже рукахъ, а почему, желая вамъ съ вашимъ пріятелемъ лакеемъ, всякаго успѣха, безъ дальнѣйшихъ церемоній, покорнѣйше прошу доставить или вещи, или за нихъ сто восемь рублей на ассигнаціи, по приложенной оцѣнкѣ. Въ противномъ случаѣ, ясныя доказательства вашихъ поступкахъ представлю по принадлежности, а потому совѣтую вамъ прибѣгнуть къ вашей матушкѣ, которая, надѣюсь, не пожелаетъ васъ довести до большихъ непріятностей. Вашъ и проч.

Сдержалъ ли прекрасный молодой человѣкъ свое слово, желавшій злословить меня и мое семейство—не знаю, а впрочемъ, для меня все равно; но вы сейчасъ оцѣните его поступки съ другими. При встрѣчѣ моей въ С. съ тѣмъ семействомъ, въ которомъ искался медикъ, казалось ни что не измѣняло нашимъ надеждамъ; но что бы упрочить

ихъ совершенно, то, на всякой случай—Саша приготовлена на какое бы то нибыло рѣшительное предпріятіе, потому что разлука и бывшее гоненіе любви иначе оцѣнили счастіе и—поколебали прежнія мысли Саши. Однимъ словомъ—такъ или иначе, но ни что непротиворѣчило голосу надежды. Любовь въ разлукѣ ищетъ для сердца пищи и, разумѣется, обошлось не безъ таинственной переписки, которою вели они между собою, а потому извѣстны были всѣ предположенія, придуманныя на всякій неудачный случай. Каково же было положеніе Саши, когда письмо ея къ нему о согласіи побѣга въ случаѣ неудачи и о многомъ, было въ рукахъ матери! Сначала она не сказала своей дочери ничего для того, чтобы обыскать ее; а потомъ, завладѣвъ письмами, къ тому же несовсѣмъ съ выгодными объ ней отзывами, она, съ этими обличительными документами, вызвала дочь къ своему суду. Какъ громовая туча разразилась надъ головою Саши, но я умолчу о происходившихъ сценахъ—замираетъ сердце при воспоминаніи! Все это кончилось тѣмъ, что погибли всѣ надежды на соединеніе ихъ, потому что кромѣ отказа на отрѣзъ—приняты были всѣ мѣры предосторожности, съ бдительнымъ за нею надзоромъ. Кто же былъ всему причиною?—Этотъ прекрасный молодой человѣкъ!—этотъ чорствый, не благодарный негодяй, готовый за всякое добро платить одними мерзостями и я вспомнилъ правду словъ моего пріятеля.

Да, медикъ, взявши съ собою прекраснаго молодаго человѣка, заболѣлъ дорогою, а это было пищею его сопутнику, чтобы своею предупредительностью и рабскими услугами войти въ довѣріе. Этому много способствовали довѣрчивый нравъ его и тѣ изъ тайнъ, которыми владѣлъ Алонзо, предложившій ему всѣ свои услуги. Однимъ словомъ—пріятель мой, отогрѣвъ на своей груди эту змѣю, ужаленный—отравленъ ядомъ ея обольщенія и коварства. Нельзя отнять отъ прекраснаго молодаго человѣка хитрой вкрадчивости—и эта коварная и злая тварь, этотъ негодяй никогда не могъ забыть пощечинъ и насмѣшекъ. Какимъ образомъ попалось ему письмо? Вѣроятно онъ, проникнувъ тайну переписки, перехватилъ его на почтѣ, въ отсутствіе медика. Алонзо, владѣя нѣкоторыми свѣдѣніями, въ превратномъ видѣ всего, увѣдомилъ обо всемъ мать Саши, приправивъ письмо свое новыми клеветами и упрекомъ, что она наконецъ, бывши на водахъ, перестала ему вѣрить. Итакъ черезъ все произошедшее мы узнали, что Алонзо—нравственный убійца Саши, былъ всему виною. При перемѣнившемся ко мнѣ расположеніи матери Александры И... милая, нарѣченная сестра моя, нашла однако возможность передать мнѣ гнусное его письмо. Этотъ неблагодарный негодяй собственно мнѣ сдѣлать ничего не могъ и не можетъ, но могу ли взглянуть на него равнодушно за любимаго товарища и Сашу, которыхъ доскажу вамъ печальную исторію.

Не знаю навѣрное, что сталось съ прекраснымъ человѣкомъ, собиравшемся въ Ситку, который по слухамъ, просвѣщаетъ уже рыбъ морскихъ; но, почтивъ его вѣчною памятью за признательность къ добру, обратимся теперь къ несчастной Сашѣ и избранному ею. Они сдержали свое слово, и ненарушилась клятва въ вѣрности—вотъ развяска объ участи этой благородной четы.

Александра И... юная и цвѣтущая какъ прекрасный май, открытая какъ день и чистая какъ безоблачное небо, сначала убитая горемъ, безъ надежды и видѣть даже милаго,—потомъ поражена была томительнымъ недугомъ. Она, отвергнувъ новое предложеніе и волю матери,—связать свою жизнь съ немилымъ, обрекла себя въ монастырскія стѣны; но не перенесла предстоявшей борьбы съ волею матери и съ самой собою. Томимая болѣзнію, она изнывала отъ печали и слезы кропили подушку, единственную исповѣдницу ея тяжелыхъ думъ надъ разорваннымъ вѣнкомъ надежды, которая сулила ей осуществленіе жизненныхъ радостей, раскрашенныхъ своенравными мечтами. Кажется болѣе отъ печали, нежели предшествовавшей болѣзни, увядала красная дѣва и, бѣглый—летучій огонь, вспыхивавшій иногда на блѣдныхъ щекахъ, удостовѣрялъ что скоро—скоро завянетъ одинъ изъ нашихъ цвѣтковъ.

Предчувствіе сбылось! Пріятель мой куда-то былъ

командированъ по службѣ; но по возвращеніи, въ ожиданіи отпуска, занемогъ продолжительною болѣзнію. Предвидя какъ бы на него сильно могло дѣйствовать прекращеніе переписки съ Сашею, я, знавши при томъ его сердце и силу любви, а особенно при его болѣзни, предупредилъ всякія послѣдствія ложнымъ извѣстіемъ, что это семейство, довольно на долго, отправилось въ Моску и что они возвратятся не ранѣе весны. Я желалъ скрыть настоящее положеніе дѣлъ, по крайней мѣрѣ до выздоровленія его, но предположеніе мое не сбылось. Онъ уже поправлялся въ здоровьѣ, какъ прекрасный молодой человѣкъ, хорошо предвидѣвшій то, что надобно будетъ расчитаться съ нимъ за все, употребилъ всѣ средства, чтобы открыть больному настоящее дѣло. Это намѣреніе породило въ немъ самую адскую мысль—и онъ не ошибся въ расчетѣ. Хотя выздоровливавшій, но еще весьма слабый, пылкій юноша горячо къ сердцу принялъ вѣсть горя; болѣзнь возвратилась со всѣми ея ожесточеніями и скоро его нестало! Когда Провидѣніе, поколебавъ человѣческую волю—разорвать союзъ сердецъ, вело ихъ своими путями къ соединенію иному, замѣтимъ весьма странный психическій случай.

Однажды Александра И... уже больная и—больная безъ надежды, расказала мнѣ, что она видѣла во снѣ друга сердца; въ необыкновенномъ состояніи. Онъ, явившись, къ ней какъ-то странно, напомнилъ что уже пора сдержать слово. Черезъ

нѣсколько времени опять Александра И... пожелала быть со мною наединѣ и говорила мнѣ: »Когда вы увидите его, скажите про мое сновидѣніе, потому что я сдержала мое слово. Да, когда вы будете ему говорить это, тогда меня уже не будетъ; но пусть знаетъ, что онъ до самой смерти не выходитъ у меня изъ памяти.... я любила его! Я счастлива! я непереживу земной скорби. Да... лучше не жить—я счастлива!«

Я хотѣлъ было вымолвить что его уже нѣтъ на землѣ, что онъ ждетъ ее въ горнихъ предѣлахъ съ того дни, когда явился ей въ сновидѣніи; но разсудилъ—не предупреждать о томъ, что скоро и сама узнаетъ. Вмѣсто этого я сказалъ: перестаньте отчаяваться вы выздоровѣете, обстоятельства перемѣнятся и, можетъ быть, мы скоро отпразднуемъ ваше соединеніе! При этихъ словахъ, признаюсь, у меня брызнула слеза, неутаившаяся отъ Александры И... Она сказала: братъ, твои слезы обличаютъ не правду словъ! Развѣ я не чувствую себя? Скажи своей супругѣ, чтобы она меня навѣстила,—я хочу поговорить съ нею—и тоже поговорить въ послѣдній разъ!—въ послѣдній разъ прижать къ больному сердцу.... Да, въ послѣдній....

—

Вскорѣ послѣ этого, въ одинъ прекрасный весенній день, по улицамъ С.—тянулась печальная процессія. Это были похороны Александры И... и она скончалась черезъ годъ послѣ первой встрѣчи ея съ избранникомъ сердца. Когда нѣдра земли поглощали остатки красавицы, сердце мое суродожно сжалось при воспоминаніи былаго.....



ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ,

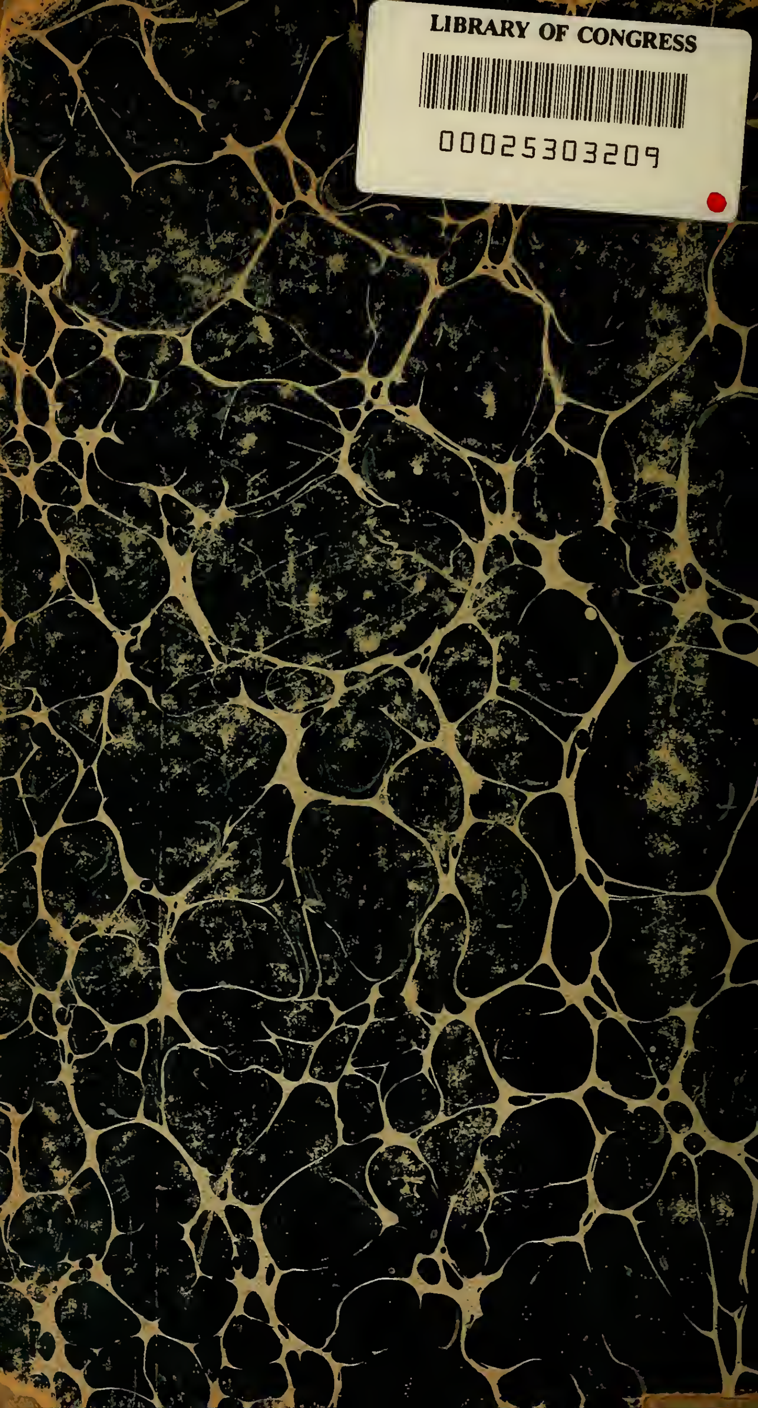
кромѣ нѣкоторыхъ неправильныхъ соединеній и отдѣленій.

Стран.		*Стр.*	*Напеч.*	*должно.*
4	—	6	п*ѣ*чальную	п*е*чальную
5	—	8	деньш*и*комъ	деньщ*и*комъ
—	—	25	На врядъ	Наврядъ
6	—	16	васька, то	васька-то
9	—	29	которы*я*	которы*е*
10	—	12	и когда	когда
14	—	20	*на* треногомъ	*въ* треногомъ
15	—	14	и шубою	шубою
—	—	18	грязи	грязи,
16	—	8	стояшаго	стоя*в*шаго
17	—	9	знакомств*о*	знакомств*а*
—	—	16	больной	бол*ьш*ой.
18	—	4	пріобрѣніе	пріобрѣ*т*еніе
24	—	9	вѣд*ъ*	вѣд*ь*
24	—	24	невозможн*ы*	невозможн*о*

остальныя, по отысканіи, да исправитъ благосклонный читатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.





LIBRARY OF CONGRESS
00025303209